

- Callaghan R.T.** Comments on the Mainland Origins of the Preceramic Cultures of the Greater Antilles // *Latin American Antiquity*. – 2003a. – Vol. 14 (3). – P. 323–338.
- Callaghan R.T.** Prehistoric Trade between Ecuador and West Mexico: A computer simulation of coastal voyages // *Antiquity*. – 2003b. – Vol. 79. – P. 828–836.
- Chard C.S.** Northeast Asia in Prehistory. – Madison: University of Wisconsin Press, 1974. – 214 p.
- Davis H.** Record of Japanese Vessels Driven Upon the North-West Coast of America and Its Outlying Islands. – Worcester: Palladium, 1882.
- Denig G.M.** Geographical Knowledge of the Polynesians and the Nature of Inter-Island Contact // *Polynesian Navigation* / Ed. J. Golson. – Wellington: Polynesian Society, 1963. – P. 138–153. – (Polynesian Society Memoir; N 34).
- Dickinson W.R., Sinoto Y., Shutler R., Jr., Shutler M.E., Garanger J., Teska T.M.** Japanese Jomon Sherds in Artifact Collections from Mele Plain on Efate in Vanuatu // *Archaeology in Oceania*. – 1999. – Vol. 34 (1). – P. 15–24.
- Dixon J.E.** Human Colonization of the Americas: timing, technology and process // *Quaternary Science Reviews*. – 2001. – Vol. 20. – P. 277–299.
- Drury C.M.** Early American Contacts with the Japanese // *Pacific Northwest Quarterly*. – 1945. – Vol. 3. – P. 319–330.
- Emmons G.T.** The Tahltan Indians. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1911. – 120 p. – (The Museum Anthropological Publications; N 4 (1)).
- Erlandson J.M.** Anatomically Modern Humans, Maritime Voyaging, and the Pleistocene Colonization of the Americas // *The First Americans: The Pleistocene Colonization of the New World* / Ed. by N.G. Jablonski. – San Francisco: California Academy of Sciences, 2002. – P. 64–92. – (Wattis Symposium Series in Anthropology, Memoirs of the California Academy of Sciences; N 27).
- Fukui E.** Climate Fluctuations, Past and Present // *The Climate of Japan* / Ed. by E. Fukui. – Tokyo: Kodansha, 1977. – P. 271–304. – (Developments in Atmospheric Science; Vol. 8).
- Gleeson P.** Analysis of Pandora's Box: The Ozette Experience: Paper presented to the 46th Annual Meeting of the Society of American Archaeology. – San Diego, 1981. – 12 p.
- Hobler P.M.** Measures of the Acculturative Response to Trade on the Central Coast of British Columbia // *J. of Historical Archaeology*. – 1986. – Vol. 20. – P. 17–26.
- Irwin G., Bickler S., Quirke P.** Voyaging by Canoe and Computer: Experiments in the Settlement of the Pacific Ocean // *Antiquity*. – 1990. – Vol. 64. – P. 34–50.
- Jett S.C.** The Jomon of Neolithic Japan: Early Ocean-Goers // *Pre-Columbiana*. – 1999. – Vol. 1 (3/4). – P. 159–168.
- Jett S.C.** The Norse in the North Atlantic: An Overview // *Pre-Columbiana*. – 2000. – Vol. 2 (1). – P. 3–26.
- Keally C.T.** A Model for the Origins of the Japanese Paleolithic: Paper presented at the 36th International Conference of Orientalists in Japan. – Tokyo, 1991. Access mode: <http://www.fcc.sophia.ac.jp/Faculty/Keally/Hoax/Early-Papers/icoj91.html>
- Keddie K.** The Question of Asiatic Objects on the North Pacific Coast of America: Historic or Prehistoric? – Victoria: Royal British Columbia Museum, 1990. – 26 p. – (Contributions to Human History; N 3).
- Keddie K.** Japanese Shipwrecks in British Columbia – Myth and Facts. – Victoria: The Royal British Museum, 1995. – 7 p. Access mode: <http://rbcml.rbcm.gov.bc.ca/hhistory/japaneseshipwrecks/toc.html>.
- Kohl S.W.** Strangers in a Strange Land: Japanese Castaways and the Opening of Japan // *Pacific Northwest Quarterly*. – 1982. – Vol. 73 (1). – P. 20–28.
- Lee S.-M., Robineau D.** Les cétacés des gravures repêtrées néolithiques de Bangu-dae (Corée du Sud) et les débuts de la chasse à la baleine dans le Pacifique nord-ouest // *L'Anthropologie*. – 2004. – Vol. 108. – P. 137–151.
- Lewis D.** We, the Navigators. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1972. – 348 p.
- Levison M., Ward R.G., Webb J.W.** The Settlement of Polynesia: A Computer Simulation. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973. – 137 p.
- MacDonald G.** Haida Art. – Vancouver: Douglas and McIntyre, 1996. – 242 p.
- McCance R.A., Ungley C.C., Crosfill J.W.L., Widdowson E.M.** The Hazards to Men Lost at Sea, 1940–1944. – L.: Medical Research Council, 1956. – 44 p. – (Medical Research Council; Special Report N 291).
- Nishimura S.** A Study of the Ancient Ships of Japan. – Tokyo: Society of Naval Architects, 1922. – 667 p.
- Oba T.** Oceanic Paleoenvironmental Studies in Japan // *Quaternary Research*. – 1991. – Vol. 30 (2). – P. 197–202.
- Oba T., Kato M., Kltazato H., Kozumi I., Omura A., Sakai T., Takayama T.** Paleoenvironmental Changes in the Japan Sea During the Last 85000 Years // *Paleoceanography*. – 1991. – Vol. 6 (4). – P. 499–518.
- Pilot Charts** of the North Pacific Ocean / U.S. Defense Mapping Agency Hydrographic; Topographic Center. – Washington, 1994. – Pub. 108. – 16 p.
- Plummer K.** The Shogun's Reluctant Ambassadors: Sea Drifters. – Tokyo: Lotus Press, 1984. – 317 p.
- Posdneff V.** The Wanderings of the Japanese Beyond the Seas // *Transactions of the Asiatic Society of Japan*. Second Ser. – 1929. – Vol. 4. – P. 20–51.
- Quimby G.I.** Japanese Wrecks, Iron Tools, and Prehistoric Indians of the Northwest Coast // *Arctic Anthropology*. – 1985. – Vol. 22 (2). – P. 7–15.
- Shunichi Y.** Kesen-Marū: A Sengoku-bune Replica from Japan // *Wooden Boat*. – 1993. – January–February. – P. 36–39.
- Thorne A.G., Raymond R.** Man on the Rim: The Peopling of the Pacific. – Sydney: Angus and Robertson, 1989. – 288 p.
- Webber B.** Wrecked Japanese Junks Adrift in the North Pacific Ocean. – Fairfield: Ye Galleon Press, 1984. – 201 p.
- Yamaura K.** The Sea Mammal Hunting Cultures of the Okhotsk Sea with Special Reference to Hokkaido Prehistory // *Arctic Anthropology*. – 1998. – Vol. 35 (1). – P. 321–334.
- Yoshino M.M.** The Winter Monsoon // *The Climate of Japan* / Ed. by E. Fukui. – Tokyo: Kodansha, 1977. – P. 65–84. – (Developments in Atmospheric Science; Vol. 8).

УДК 903.2

В.А. Кисель*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН**Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия**E-mail: kisel@kunstkamera.ru***ЧУДСКИЕ ДРЕВНОСТИ ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ**

В этнографическом собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранится несколько этнографических коллекций из Западной Сибири, часть предметов которых стилистически и типологически резко выделяется из общей массы вещей. Одна из них, собранная у хантов и манси (№ 5531), была доставлена в МАЭ РАН в 1937 г. В.Н. Чернецовым из Окружного краеведческого музея в г. Остяко-Вогульске (ныне Музейный комплекс “Государственный окружной музей Природы и человека”, г. Ханты-Мансийск). В ней привлекают внимание металлические диски и антропоморфные фигурки. Согласно музейной документации (к сожалению, крайне скудной), они использовались коренным населением в ритуальных целях.

Предмет № 5531-9 имеет близкую к овалу форму за счет обломанного края. Его длина 120 мм, ширина 100, толщина 1,5 мм. Одна сторона диска вогнутая, полированная, имеет гляцевый отлив; другая – выпуклая, зашлифована и украшена двумя парами окружностей и шестилепестковой розеткой в центре. В сердцевине розетки просверлено отверстие (диаметр 5 мм), причем с полированной стороны предмета просматриваются царапины разметки.

Диск № 5531-10 диаметром 59 и толщиной 1 мм представляет правильный гладкий круг. Одна его сторона покрыта множеством царапин, часть из них складывается в продолговатые зоо/ихтиоморфные фигуры. Другая сторона декорирована шестилепестковой розеткой, верх которой процарапаны перекрывающие друг друга изображения хищной птицы с распластанными крыльями и свернувшегося в кольцо длинно-фантастического существа с четырьмя короткими

лапами и закрученным в спираль хвостом. У края предмета просверлены два отверстия (диаметр 2,5 и 3 мм). Диск заполирован с обеих сторон и не поврежден коррозией.

Предмет № 5531-11 имеет овальную форму. Его длина 114 мм, ширина 109, толщина 2 мм. Сохранился остаток утраченной ручки – небольшой угловатый выступ длиной 25, шириной 10 мм. Одна сторона диска вогнута и целиком покрыта коррозией. На ней имеются неглубокие царапины, появившиеся, скорее всего, вследствие использования предмета. Другая сторона выпуклая, отполирована. Возле края предмета рядом с выступом прорезано продолговатое отверстие (длина 3, ширина 1 мм).

Диск № 5531-12 диаметром 100 и толщиной 1 мм поврежден: края частично обломаны и в трех местах треснуты. Одна его сторона вогнутая, полированная, имеет гляцевый отлив. Она украшена по краю широким поясом из углубленных лепестков, отходящих от рубчатой окружности, гладкий выпуклый центр также обрамлен углубленными лепестками. Другая сторона выпуклая. Несмотря на коррозию и бессистемные царапины, она сохранила следы шлифовки. В центре предмета просверлено отверстие (диаметр 4 мм). На полированной стороне видны следы его разметки.

Предмет № 5531-18/4 составлен из четырех отдельных частей, причем одна из них принадлежит другому изделию. Три совмещенные части толщиной 1,8 мм представляют собой серповидный фрагмент диска с подпрямоугольным выступом длиной 13, шириной 8 мм. Первоначальный диаметр диска 139 мм. Одна сторона предмета вогнутая, украшена тремя окружностями и шестилепестковой розеткой (орна-

мент нанесен несколько небрежно), другая – выпуклая, гладкая. Обе стороны отшлифованы. Часть второго предмета сильно деформирована и внешне напоминает треугольник, края обломаны. Длина фрагмента 95 мм, ширина 65, толщина 1 мм (вероятно, когда-то диск достигал диаметра 139–140 мм). Одна сторона полностью покрыта коррозией, другая – только частично, на ней виден орнамент из трех concentрических поясов, состоящих из двух, трех и четырех окружностей.

Предметы некогда являлись зеркалами, отлитыми в плоских формах. Орнамент наносился с помощью циркульного режущего инструмента. Диск № 5531-12 представлял собой блюдце. Оно было изготовлено из металлического листа выколоткой, а лепестки получены гравировкой. Для придания блюдцу более плоской формы его расплющили. Отверстия, просверленные и прорезанные в предметах, позволили использовать их в качестве нашивных блях. От одного зеркала осталась только центральная часть, которая была аккуратно вырезана и заглажена по краю (№ 5531-10). Несомненно, что эти изделия являлись инкультурными в ханты-мансийской среде и не относились к этнографическому времени. По всей видимости, они поступили в Западную Сибирь из кочевнического мира, т.к. подобные предметы были широко распространены у племен савромато-сарматского круга в IV в. до н.э. – I в. н.э. [Мошкова, 1963, с. 41–42; Хазанов, 1963, с. 58–62; Смирнов, 1984, с. 91, 107; Золотые олени..., 2001, № 122]*.

Рентгенофлюоресцентный анализ, проведенный в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, показал, что все вещи были отлиты из бронзы с большим содержанием олова и практически полным отсутствием других примесей (табл. 1). Аналогичная высокооловянистая бронза использовалась для изготовления зеркал и чаш на территории Северной Индии, Пакистана, Афганистана и южных областей Средней Азии, откуда, по-видимому, предметы поступали к кочевникам [Заднепровский, 1993, с. 90–92; Васильков, 2003, с. 30–32; Бубнова, Шемаханская, 2003; Шульга, 2003, с. 89–92; Равич, 2004].

Фрагмент центральной части зеркала, как было отмечено, украшен процарапанными изображениями (рис. 1)**. Все рисунки выполнены в традициях пермского (или урало-сибирского) звериного стиля.

* Судя по находке с культового места на р. Таз в Ямало-Ненецком АО, из таких зеркал не только изготавливали бляхи, но и вырубали антропоморфные фигуры [Белич, 2001, с. 186].

** Диск с прорисовкой изображений был опубликован В.Н. Чернецовым [Чернецов, 1953а, табл. XIII, 4]. Здесь дается прорисовка автора.

Таблица 1. Состав примесей в бронзе, из которой изготовлены зеркала и блюдце, %

Номер предмета	As	Sn	Pb
9	Следы	25–28	< 0,25
10	–	25–28	< 0,15
11	Следы	25–28	< 0,3
12	–	25–28	< 0,15
18/4	–	25–28	< 0,2

Некоторые черты хищной птицы имеют аналогии в изображениях бронзовых литых блях VI–VIII вв. из д. Скородум Ильинского р-на и пос. Курган Чердынского р-на Пермской обл. [Оборин, Чагин, 1988, с. 18, 136]: крылья разделены на отдельные перья, верхний абрис крыла подчеркнут дополнительной линией, перья хвоста орнаментированы косыми штрихами, а на шее и лапе подчеркнуты складки. Фантастическое существо, наверное, является развитием образа скифской пантеры. В данном случае хищник напоминает пермских “ящеров”, подобных представленным на бронзовой пластине V–VIII вв. из пос. Кушеват Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО [Сокровища Приобья, 1996, № 7]. Аналогично трактованы плавно изогнутое узкое тело, две пары коротких конечностей, приоткрытая пасть, круглый глаз, выступающий над головой, складки на шее. Наклонная штриховка туловища находит близкую параллель в изображении собаки, выгравированном на бляхе III–II вв. до н.э. (?) из Истяцкого клада, найденного в бассейне р. Иртыша [Новиков, 2001, рис. 1].

Какие образы представлены на другой стороне фрагмента зеркала, определить крайне затруднительно. Очень осторожно их можно сопоставить с изображениями рыб и бобров на бронзовых наконечниках копий V–IV вв. до н.э. из Нарымского Приобья [Чернецов, 1953б, рис. 1; Чиндина, 1984, рис. 14, 1], зеркалах и бляхах III–II вв. до н.э. из бассейнов рек Казым и Ляпин, Истяцкого клада [Чернецов, 1953а, табл. XIII, 1, 2, 3; XIV, 4; XIX, XX, б], на пластине I в. до н.э. из Усть-Полуя (г. Салехард) [Усть-Полуй, 2003, № 22], а также со сходными образами гравировок VII–VIII, IX–X вв. на серебряных восточных блюдах из с. Слудка Чернушинского р-на, деревень Большеаниковской, Керчевой Чердынского р-на Пермской обл. [Лещенко, 1976, с. 179–180, рис. 20, а, 21, б, 25, 28, 35] и XI–XIII вв. на ковше с оз. Шурышкарский Сор Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО [Сокровища Приобья, 1996, № 34].

Обычай процарапывать изображения на бронзовых бляхах и фрагментах зеркал был широко распространен в Приуралье и Западной Сибири. Зародившийся самостоятельно в аборигенной среде в пери-

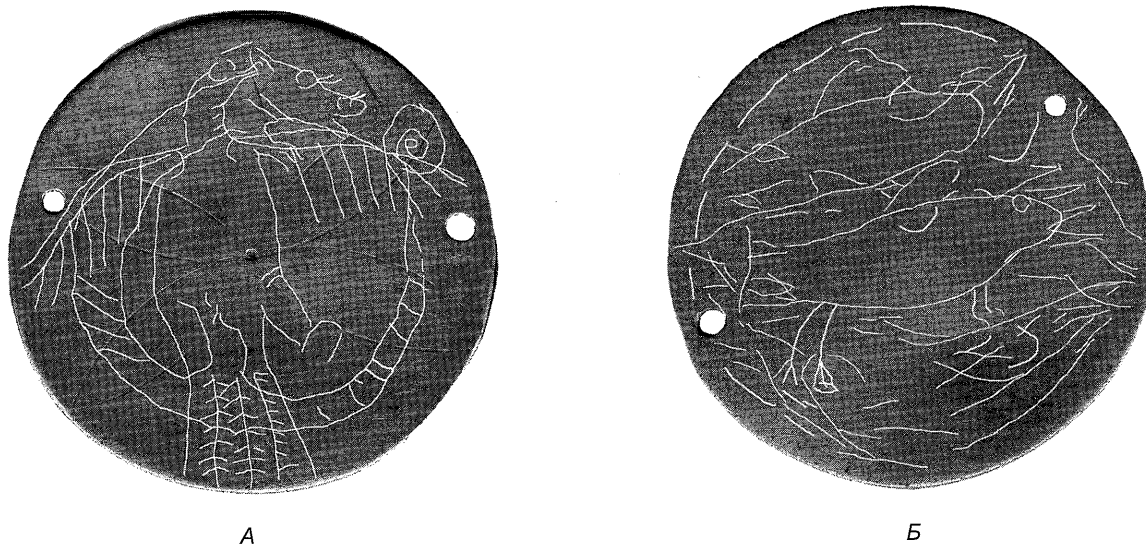

Рис. 1. Фрагмент зеркала с процарапанными изображениями.
А – лицевая сторона; Б – оборотная.

од III в. до н.э. – III в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 36] или заимствованный у степняков-кочевников [Кубарев, 2002, рис. 1, 3, 4, 9], он просуществовал длительное время [Чернецов, 1953а, табл. XIII, XIV, XX; Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 29–30; Усть-Полуй, 2003, № 21, 22, 24; Чемякин, 1999, 2000, с. 157; Зыков, Федорова, 2001, № 34, 36, 37; Бауло, 2002, рис. 14; Федорова, 2003, с. 151]. По-видимому, рассматриваемые сарматские зеркала и блюда попали в Приобье путем торгового обмена [Косарев, 1969, с. 51] или вместе с мигрантами-степняками [Тайров, 2004, с. 54; Бобров, 2004, с. 311–312]. Там они, по установившемуся у местного населения обычаю, были превращены в нашивные бляхи, одна из которых дополнительно украшена сакральными анималистическими образами. Согласно приведенным аналогам, рисунки можно датировать V–VIII вв., хотя нельзя исключить и более раннее время. На это косвенно указывает то, что гравировки на иранских, византийских, хазарских и болгарских сосудах были выполнены немногим позднее момента изготовления предметов. Очевидно, сосуды покрывались изображениями почти сразу, как поступали в Прикамье и Приобье [Лещенко, 1976, с. 179–180]. Возможно, что и диск, вырезанный из сарматского зеркала, был украшен рисунками около рубежа эр или в начале новой эры.

В эту же коллекцию входят восемь бронзовых корродированных фигурок антропоморфных существ (МАЭ, № 5531-1-8) (рис. 2)*. По-видимо-

му, ханты воспринимали их как воплощение мифического покровителя (Опись кол. № 5531, л. 1)*.

Все фигурки индивидуальны и различаются по размерам: наименьшая длиной 85, шириной 63 мм, наибольшая – соответственно 123 и 81 мм, толщина колеблется от 3 до 12 мм. Они передают образ антропоморфного существа, представленного фронтально с согнутыми и разведенными в стороны руками и ногами, т.е. в позе “роженицы”. Подтреугольную голову венчают три длинных прямых “рога”. Все мелкие детали выполнены выпуклыми линиями. Глаза и рот показаны миндалевидными или овальными. Дуговидные брови, соединяясь, переходят в прямой нос. Ноздри обозначены горизонтальным отрезком (3 экз.). От каждой из бровей отходят по три вертикальных штриха-волоска (5 экз.). Прямыми или слегка изогнутыми линиями выделены щеки (7 экз.). Небольшими вертикально расположенными дугами изображены уши (2 экз.). На груди нанесен знак “линии жизни” (грудина?) – вертикальная черта с тремя поперечными отрезками. Три пары наклонных штрихов изображают ребра. Под ними показан крупный овальный пуп. Ниже расположен овал, разделенный длинным отростком, спускающимся между ног. Каждая конечность снабжена тремя пальцами.

Значительные затруднения вызывает определение половой принадлежности существа. Отросток может быть трактован как пенис, тогда овал, показанный за ним, – это тестикулы или же анус, поскольку именно

* До 1937 г. в Окружном краеведческом музее г. Остяко-Вогульска насчитывалось 18 фигурок. Некоторые из них до сих пор хранятся в Государственном окружном музее Природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

* Часть фигурок была опубликована [Прошлое Урала..., 1993, с. 127].

Рис. 2. Антропоморфные фигурки.
А – лицевая сторона; Б – оборотная.

Таблица 2. Состав примесей в бронзе, из которой отлиты фигурки, %

Номер фигурки	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Прочие
1	< 0,4	8–10	< 0,8	< 0,4	–	Ag < 0,8
2	< 0,4	6–10	< 1	< 0,3	–	Ag < 0,5
3	< 0,6	8–10	< 0,5	< 0,2	Следы	Ag < 0,4
4	1–2	15–20	< 1	< 0,2	–	Ag – следы
5	< 1	8–10	< 0,7	< 0,3	–	Ag < 0,5
6	< 0,7	4–6	Следы	Следы	–	Fe = 1...2, Ag < 0,3
7	< 0,5	10–15	< 0,7	< 0,3	–	Fe = 2...3, Ag – следы
8	1–2	15–20	1–3	< 0,3	–	Ag < 0,6

овалами отмечены все углубления (глаза, рот, пуп). В таком случае персонаж, без сомнений, должен быть отнесен к мужскому полу. Но овал с отростком может обозначать и признак женского образа – ктеис с чрезмерно увеличенным клитором*. Нельзя исключить и того, что фигурки изображают андрогина с двумя совмещенными половыми органами. Трудно отдать предпочтение какому-нибудь одному из трех предположений, т.к. у многих народов в различные эпохи изображались разные существа в сходных позах. Например, “роженицы”-мужчины представлены на петроглифах Хакасии и Монголии [Савинов, 1976, рис. 3, 6, 9, 4; Дэвлет, 1976, табл. XVIII, 1, 2; Новгородова, 1989, с. 95; Подольский, 1997, рис. 40]. В то же время женские существа (иногда действительно рожающие) изображены на плитах и скалах Алтая, Хакасии, Тувы, Прибайкалья и Монголии [Кызласов, 1986, рис. 143; Кубарев, 1988, табл. XVI; Новгородова, 1989, с. 96], а также на металлических изделиях Сибири и Ближнего Востока [Ghirshman, 1964, ill. 57; Дэвлет, 1976, табл. XVIII, 3]. При этом некоторые из них отличаются трехпалостью, угловатостью голов, “рогами”, ребрами и “линией жизни” [Кубарев, 1988, с. 138, табл. XVI; Новгородова, 1989, с. 92, 96, 97]. Выделить на петроглифах изображения андрогинов не представляется возможным из-за схематичности наскального искусства.

Все фигурки были изготовлены в т.н. плоском литье. Их отливали в двусторонних глиняных формах в вертикальном положении с использованием резных моделей. Металл заливался через оттиснутые в формах “рога” существ. Ни литники, ни литейные швы не были убраны.

По составу металла, имеющего медную основу (табл. 2), фигурки разительно отличаются от зеркал и блюдца. Количественный анализ примесей позволил

С.В. Хаврину заключить, что исходным материалом послужил бронзовый лом. Аналогичные сплавы встречаются среди приобских древностей. Например, из сходного металла были изготовлены две личины конца III–IV в. из Холмогорского клада Пуровского р-на Ямало-Ненецкого АО (№ 27, 33 [Зыков, Федорова, 2001, с. 149, табл. 1]). Немаловажно, что они входят в число “раритетных”, т.е. выполненных по новой технологии, но в архаической изобразительной манере [Там же, с. 48–49, 97, 99].

Стилистически фигурки сопоставимы с самусьской и окуневской художественными традициями эпохи бронзы, но большинство признаков указывает на их принадлежность к кулайскому искусству раннего железного века. В частности, подобные черты отмечаются у “древовидных идолов” из Лозьвинского клада и сборов Н.Л. Гондатти [Спицын, 1906, рис. 443; Чернецов, 1953а, табл. XV, 4; XVI, 1, 4; XVIII, 4]. Облик фигурок – подчеркнутая “рогатость”, жесткая геометрия лиц, упрощенная форма “линии жизни” – указывает на появление их на раннем (васюганском) этапе кулайской культуры. Это подтверждается технологическими признаками – игнорированием обработки изделий после отливки, сохранением литейных швов и литников, отсутствием приспособлений для крепления фигурок на одежде или других вещах, – характерными для бронзовой пластики Западной Сибири данного периода [Зыков, Федорова, 2001, с. 37]. Однако состав металла, представляющий собой медно-оловянно-свинцово-мышьяковистые сплавы, указывает на технологию, появившуюся у западно-сибирского населения приблизительно в III в. до н.э. [Там же, с. 38, 48, 97] (до этого времени доминировали мышьяковые и сурьмяно-мышьяковые бронзы [Кузьминых, 1999, с. 45]). К тому же фигурки находят определенное сходство с рисунками на бронзовых бляхах и пластинах I в. до н.э. из Усть-Полуя, где представлены антропоморфные существа с подобиями “рогов”, овальными глазами и ртами, прямыми складками щек, трехпалыми руками [Усть-Полуй, 2003, № 21, 22, 24, 46]. Штрихи-

* “Идола” из сборов Н.Л. Гондатти, имеющего аналогичный с фигурками половой орган, а к тому же сходные черты лица, рисунок ребер, “линию жизни” и идентичное количество пальцев, В.Н. Чернецов отнес к изображениям женских существ [Чернецов, 1953а, с. 162].

Рис. 3. Подвески в виде фигур медведей.
А – лицевая сторона; Б – оборотная.

волоски на бровях фигурок напоминают ресницы личин на костяной пластине I в. до н.э. из Усть-Полуя [Там же, № 183] и бронзовых отливках конца III–IV в. н.э. из Холмогорского клада [Зыков, Федорова, 2001, № 5, 6, 11, 12]. Особо следует отметить близость фигурок с двумя бронзовыми антропоморфными изображениями из Сапоговского клада II в. до н.э. – I в. н.э. из Кунашакского р-на Челябинской обл.: такие же овальные глаза и рты, брови-дуги, соединенные с прямой линией носа, ребра в виде наклонных штрихов (правда, направленных в противоположную сторону), трехпалые конечности и выраженные половые органы [Зуев, 1993, рис. 2, Е, 1, 2]*. Причем на создателя изделий Сапоговского клада сильное влияние оказала сарматская культура [Яценко, 2000; Кисель, 2003, с. 290–291]. Датировать фигурки, вероятно, следует IV–I вв. до н.э.

Среди других предметов, хранящихся в этнографическом фонде МАЭ РАН, крайне интересны три бронзовые фигурки медведей, доставленные в 1847 г. М.А. Кастреном от кетов или эвенков Туруханского края (МАЭ, № 27-32) и в 1911 г. экспедицией С.Л. Артева и А.М. Сумарокова от хантов или манси Березовского уезда Тобольской губернии (МАЭ, № 1864-3, 4). Вещи, судя по музейной документации, активно использовались таежными народами Западной Сибири в XIX–XX вв. Одна из них, согласно наблюдению собирателей, являлась “священным предметом у остяцких шаманов”, “игравшим роль при охоте на медведя” (Опись кол. № 1864, л. 2).

* В свое время В.Н. Чернецов отмечал сходство “древовидных идолов” с персонажами Сапоговского клада [Чернецов, 1953а, с. 177].

Другие, по заключению этнографов, могли храниться в женских швейных мешках и доставаться только при совершении лечебных и охотничьих ритуалов [Тыликова, Бауло, 2001, с. 130].

Все предметы представляют собой полые подвески. Потертость одной из сторон указывает на то, что некогда они размещались на одежде. В профиль подвески напоминают полукруг, образованный опущенной головой зверя, покатою спиной, выгнутой задней лапой и горизонтальным основанием. Последнее снизу выглядит как вытянутый овал. Сверху изделия имеют отверстие, предназначенное для продевания кожного ремешка. Обрывок такого ремешка с узлом находится в одной из подвесок (№ 1864-4)*. Несмотря на сходство, каждый предмет индивидуален.

Подвеска № 27-32 (рис. 3, 2) имеет длину 63 мм, высоту 42 и ширину 15,5 мм. Облик стоящего животного передан крайне условно. На гладком с продольными гранями туловище медведя по передним лапам и загривку проходит полоса из двух валиков с т.н. перлами. Голова опущена и примыкает к основанию. Показаны приоткрытая пасть, миндалевидные глаза с круглым зрачком и овальные уши. Когти трактованы в виде изогнутых штрихов. Они отделены от лап поперечными углубленными линиями. На передних лапах нанесено по одной линии, на задних – по две, образующие острый угол. Хвост намечен двумя штрихами, сходящимися под углом. Фигура располагается на гладком основании. Отверстие находится сверху в центре. Внешняя сторона предмета заглажена и покрыта патиной, внутри сохранилась литейная поверхность.

* Остатки ремешков зафиксированы и в других подобных вещах [Сокровища Приобья, 1996, с. 56].

Таблица 3. Состав примесей в бронзе, из которой отлиты подвески, %

Номер подвески	As	Sn	Pb	Sb	Zn	Ni	Ag
27-32	< 0,7	8–12	1–2	–	2–4	Следы	Следы
1864-3	< 0,4	8–10	1–2	Следы	1–3	»	»
1864-4	1–2	8–12	1–2	–	2–3	»	< 0,4

Изделие № 1864-3 (рис. 3, 1), имеющее длину 62 мм, высоту 40, ширину 13 мм, передает медведя в аналогичной позе. Туловище с массивной передней частью покрыто крупными выпуклыми дугами. Вдоль хребта с двух сторон проходит полоса из вытянутых ромбов – “псевдовитой жгут”. Рельефом выделен мощный мысовидный загривок. Опущенная голова примыкает к основанию. В миндалевидных глазах показан круглый зрачок. Пасть приоткрыта. Контурная линия челюстей завершается завитками, передающими круглые ноздри. Уши трактованы в форме углубленных овалов. Передние лапы украшены “псевдовитым жгутом”, задние – гладкие. Когти показаны изогнутыми штрихами. Хвост едва просматривается. Несколько сплюснутое основание украшено тремя горизонтальными валиками. Отверстие находится непосредственно за загривком медведя.

Отливка была сделана недостаточно качественно, присутствуют недоливы металла (основание у левой задней лапы, левая часть нижней челюсти, правая часть загривка у отверстия). Брак на левой задней лапе был исправлен доливом металла. Сплав, вышедший за внутренние границы фигуры, не удален. Подвеска сильно потерта, кое-где даже сглажен рельеф. Внутри прослеживается литейная поверхность.

Предмет № 1864-4 (рис. 3, 3) имеет длину 58 мм, высоту 36, ширину 16,5 мм. Медведь изображен припавшим на согнутые лапы. Его фигура детально проработана четкими выпуклыми линиями. От передних лап к морде поднимается литейный канал, украшенный рубчиками. С боков туловище украшено плавным изогнутым “псевдовитым жгутом”. Сверху к нему примыкают штрихи, сходящиеся под углом и отмечающие хребет зверя. Загривок выделен двумя парами смыкающихся под углом дуг. Бедро украшено крупной вихревой розеткой. Выпуклая голова слегка наклонена. Пасть приоткрыта, язык высунут. Контурная линия пасти переходит в округлые ноздри. Большие круглые глаза имеют выпуклые зрачки. Уши выполнены в виде полуовалов с углублениями внутри. Лапы подчеркнуты горизонтальным ребром, оканчивающимся изогнутыми когтями. Основание отсутствует. Овальное отверстие находится сразу за загривком медведя. Оно оформлено в виде низкой трубочки.

Отчетливо просматривается литейный шов, проходящий от передних лап через голову и спину животной

го. Предмет корродирован и фрагментирован (отсутствует часть правой задней лапы и бедро). В районе правого плеча зверя фиксируется недолив металла. Внутри изделия и частью снаружи сохранилась литейная поверхность.

Процесс производства подвесок был достаточно сложным. Сначала из глины вылеплялась фигура, близкая по очертаниям к будущей отливке. Затем на нее наносился слой воска, на котором вырезались мелкие детали. Полученная модель служила основой для изготовления двух глиняных створок. На то, что процесс их создания шел именно так, указывает отсутствие на внутренней поверхности всех предметов негативов деталей. После обжига в форму заливался металл. Безусловно, литейщику было удобней просто обмазать модель глиной, а завершив отливку, разбить форму. Но здесь, вероятно, довлела традиция литейного производства древнего населения степных и лесных регионов Евразии [Минасян, 1995, с. 126–127].

Использованные сплавы являются многокомпонентными на медной основе (табл. 3). Бросается в глаза их однородность*. Вряд ли при тогдашнем уровне литейного производства Приуралья и Западной Сибири мастера настолько точно выдерживали “рецептуру” сплавов. Скорее всего, одинаковый состав металла указывает на одновременное изготовление предметов.

Подвески выполнены в русле пермского звериного стиля. Их внешнее сходство позволяет предполагать, что они передают стилистические варианты единого образа стоящего с опущенной головой медведя. В двух случаях изображение выполнено стилизованно, с упором на декоративность (№ 1864-3, 4), в одном – упрощенно геометризованно (№ 27-32).

Как установлено исследователями, развитие пермского искусства шло от условно реалистической манеры к схематизму [Шмидт, 1927, с. 161; Смирнов,

* Анализ металла 30 прикамских “чудских образков”, хранящихся в Государственном Эрмитаже, показал, что все они значительно различаются по количественному составу примесей [Оятева, 2003, с. 100]. При этом, как любезно сообщила автору Е.И. Оятева, сплавы только двух пластин более-менее сопоставимы с металлом подвесок. Следует заметить, что данные по составу бронзы, из которой изготовлены изделия верхнеобской культуры, также мало соответствуют приведенным в табл. 3 [Троицкая, Новиков, 1998, прил. 2].

1952, с. 180–186; Оборин, 1976, с. 17–31; Оборин, Чагин, 1988, с. 25–43; Сокровища Приобья, 1996, с. 56]. Впрочем, на протяжении длительного времени в Приуралье и Западной Сибири могли сосуществовать различные трактовки стоящего медведя.

Среди подвесок наиболее декорированной является № 1864-3. Фигура зверя практически полностью покрыта выпуклыми штрихами и дугами (“псевдовитой жгут”, “ребра”). Согласно современной хронологической шкале, подобная орнаментика была наиболее популярна в пермском искусстве в конце I – начале II тыс. Например, она фиксируется на ряде предметов из Пермской и Тюменской обл. [Спицын, 1902, табл. VI, 17; 1906, рис. 361, 369; Мизинова, 1958, рис. (1, 4)]*. Самым близким аналогом подвески № 1864-3 является находка из пос. Тугияны Белоярского р-на Тюменской обл., датированная X–XII вв. [Бауло, 1998, с. 405; 2002, рис. 3, а]. Оба предмета совпадают в размерах и деталях. Очевидно, они были отлиты в одной форме.

Несколько менее украшена фигура № 1864-4. В общих чертах ее стилистика сходна с находками из Сургутского Приобья [Древние бронзы Оби, 2000]. Достаточно близки скульптуре медведя изображения зайцев на бронзовой рукоятке ножа и ножнах с р. Юрибей в Тюменской обл. [Сокровища Приобья, 1996, № 15, 18]. У них аналогичные абрис фигуры, трактовка головы, рисунок когтей, “псевдовитой жгут”, проходящий через все туловище. Правда, головы у зайцев показаны поднятыми и отсутствует вихревая розетка на бедре. В качестве параллели можно упомянуть и бронзовые подвески в виде фигур стоящих коней из Сургутского Приобья, с р. Сын и из пос. Овгорт Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО [Мизинова, 1958, рис. (2); Угорское наследие, 1994, № 125; Сокровища Приобья, 1996, № 24]. Они выглядят более проработанными, чем фигурка медведя, но хребты подчеркнуты такими же штрихами, а плечи украшены розетками. Кроме того, от голов коней к передним ногам проходит литейный канал, а на двух подвесках сверху имеются трубочки. Все перечисленные предметы относятся к IX–XII вв.

Некоторая близость изделий № 1864-3 и 4 (трактовка морды, насыщенная орнаментика туловища) дает возможность предположить общую основу при формировании этих стилистических вариантов. Не исключено, что подобные изображения появились

в результате слияния образов скифской “скребушей” пантеры, представленной на вещах с Южного Урала, из Поволжья, Приобья и Центральной Азии [Очир-Горяева, 1993, рис. 1, 1, 2, 5; Килуновская, 1994, рис. 1, 20; Могильников, 1997, рис. 55, 16; Золотые олени..., 2001, № 69], и стоящего медведя, созданного творчеством аборигенного населения Прикамья и Приобья, уходящего корнями в эпоху бронзы и неолита [Эпоха бронзы..., 1987, с. 321–322, рис. 121, 2, 6, 7; 137, 2]*. При этом доминантой выступал образ медведя, хотя традиция декоративной отделки туловища, очевидно, исходила из южно-уральского художественного круга IV в. до н.э., как свидетельствуют находки из Филипповских курганов Илекского р-на Оренбургской обл. [Золотые олени..., 2001, № 83, 87].

Схематичное изображение медведя № 27-32, выполненное в виде полукольца с отходящей к центру дугой (передней лапой), почти не декорировано. По общей трактовке морды и ребристости фигуры оно сблизается с зооморфными ручками деревянных сосудов [Брусницына, 2002]. В настоящий момент известны три такие ручки из Прикамья и Приобья: деревянная (VI–VII вв.), бронзовая и серебряная (VIII–IX вв.) [Мизинова, 1958, рис. (3); Сокровища Приобья, 1996, № 12; Золотые олени..., 2001, № 148]. Все они практически одного размера и внешне схожи, особенно металлические изделия, которые в сравнении с деревянным выглядят более схематичными**. Металлические ручки деревянных сосудов не были характерны для Приуралья и Западной Сибири. Возможно, их появление связано с культурными импульсами из кочевнического мира, поскольку у скифов и сарматов в IV в. до н.э. – I в. н.э. широко бытовали зооморфные ручки у деревянной, металлической, каменной и глиняной посуды, в т.ч. и металлические ручки-фигуры у деревянных сосудов [Королькова, 2003, с. 32, 48, 51, 52, 54, рис. 3, 11]***.

Наиболее точные подобию подвески № 27-32 – три изделия VII–IX вв., обнаруженные в Приобье и Притоболье [Спицын, 1906, рис. 368; Сокровища Приобья, 1996, № 10; Тыликова, Бауло, 2001, рис. 6]. Скорее всего, эти четыре предмета отлиты в одной форме.

* Сходный процесс уже реконструировался Я.В. Фроловым на близком материале [Фролов, 2003, с. 211–218].

** Е.И. Оятева обратила внимание автора на то, что серебряная ручка могла изначально предназначаться для подвешивания, т.к. на спине фигурки медведя прослеживается отверстие, залитое серебром (разумеется, если это не исправленный недолив металла).

*** А.Г. Брусницына не отрицает возможного влияния “реальных прототипов из числа более ранних импортных предметов”, но подчеркивает различие стилистики этих предметов и прикамских, приобских металлических ручек в виде фигурок медведей [2002].

* Подвеска в виде фигурки медведя, опубликованная В.П. Мизиновой, хранится в Государственном Эрмитаже. Вместе с ней в коллекцию входят две другие, более крупные подвески, происходящие из того же района и имеющие больше сходных черт с экземпляром № 1864-3. Они до сих пор не введены в научный оборот.

Упомянутые аналоги подвесок датируются в рамках VII–XII вв. Должно быть, этот период можно сузить и отнести изделия к IX–XII вв., а на основании данных рентгенофлюоресцентного анализа заключить, что подвески были отлиты практически одновременно.

Заключение

Проведенное исследование ряда вещей из этнографических коллекций МАЭ РАН позволило определить, что все они принадлежали культурам раннего железного века и были превращены современным местным населением в ритуальные предметы. При этом значительное влияние на оформление изделий оказал древнекочевнический мир, в частности сарматские племена.

Точно датировать предметы не представляется возможным из-за отсутствия четкой хронологической шкалы фигурного литья Приуралья и Западной Сибири. Одну часть изделий (диски, фигурки) можно отнести к IV–I вв. до н.э., другую (подвески) – к IX–XII вв. н.э.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность Е.И. Ояевой, Р.С. Минасяну за поддержку и сотрудничество, С.В. Хаврину за проведение рентгенофлюоресцентного анализа и полезные советы, А.В. Бауло за ценные консультации, а также А.В. Курбанову и С.В. Трофимову за техническую помощь.

Список литературы

- Бауло А.В.** Атрибутика домашних святилищ нижнеобских хантов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 404–409.
- Бауло А.В.** Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 144–155.
- Белич И.В.** Предметы из культового комплекса тазовских селькупов *кассиль по* в коллекциях Тобольского музея-заповедника // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – С. 184–189.
- Бобров В.В.** Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 309–313.
- Брусницына А.Г.** Ручка в виде фигуры медведя из Нижнего Приобья // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы VIII археологического семинара. – Краснодар: [Б.и.], 2002. – С. 121–124.
- Бубнова М.А., Шемаханская М.С.** Результаты спектрального анализа изделий из медных сплавов из могильников Памира (эпоха бронзы, сакский период) // Центральная Азия: Источники, история, культура. – М.: Изд-во Гос. Музея искусств народов Востока, 2003. – С. 40–42.
- Васильков Я.В.** Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 28–33.
- Древние бронзы Оби:** Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Сургут. худож. музей, 2000. – 55 с.
- Дэвлет М.А.** Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 36 с.
- Заднепровский Ю.А.** Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме // Петербургский археологический вестн. – 1993. – № 7. – С. 88–93.
- Золотые олени Евразии:** Каталог выставки. – СПб.: Славия, 2001. – 247 с.
- Зуев В.Ю.** “Пляшущие человечки” Сапоговского клада // Ad Polus. Археологические изыскания. – 1993. – № 10. – С. 95–102.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.
- Килуновская М.Е.** Произведения мелкой пластики скифского времени из Тувы // Проблемы археологии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – Вып. 3. – С. 109–123.
- Кисель В.А.** Заметки о специфике рукопашного боя у сарматов // Археологические вести. – 2003. – № 10. – С. 290–304.
- Королькова Е.Ф.** Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. – 2003. – № 36. – С. 28–59.
- Косарев М.Ф.** К вопросу о кулайской культуре // КСИА. – 1969. – № 119. – С. 43–51.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
- Кубарев В.Д.** Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 63–77.
- Кузьминых С.В.** К предистории цветной металлообработки у обских угров (на примере Холмогорского “клада”) // Обские угры: Материалы II симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. – С. 44–47.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 295 с.
- Лещенко В.Ю.** Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – М.: Наука, 1976. – С. 176–188.
- Мизинова В.П.** Новые поступления с реки Сын (Западная Сибирь) // СГЭ. – 1958. – Вып. 13. – С. 56–59.
- Минасян Р.С.** Техника литья “чуждских образков” // АСГЭ. – 1995. – № 32. – С. 119–127.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во Пушкин. науч. центра РАН, 1997. – 195 с.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 207 с.

- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с. – (САИ; Вып. Д1-10).
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Новиков А.В.** Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 72–83.
- Оборин В.А.** Древнее искусство народов Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с. – (Пермский звериный стиль).
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 182 с. – (Пермский звериный стиль).
- Очир-Горяева М.А.** Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // Петербургский археологический вестн. – 1993. – № 6. – С. 35–37.
- Оятева Е.И.** Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – 128 с.
- Подольский М.Л.** Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168–201.
- Прошлое Урала в фотографиях:** Каталог фотоархива ИИМК РАН. – Екатеринбург: Виролл ЛТД, 1993. – 191 с.
- Равич И.Г.** Некоторые типы горячекованных зеркал сарматского времени и их технические особенности // Археология и естественнонаучные методы. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2004. – С. 12.
- Савинов Д.Г.** К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1976. – С. 57–72.
- Смирнов А.П.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 274 с. – (МИА; Вып. 28).
- Смирнов К.Ф.** Сарматы и утверждение их господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Сокровища Приобья:** Каталог выставки. – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Спицын А.А.** Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. – СПб.: [Тип. В. Безобразова и К°], 1902. – 110 с. – (Материалы по археологии России; № 26).
- Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. Отд-ния рус. и славян. археол. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–145.
- Таиров А.Д.** К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 50–54.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Тыликowa Е.И., Бауло А.В.** Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 127–134.
- Угорское наследие:** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Усть-Полуй:** I век до н.э.: Каталог выставки. – Салехард; СПб.: Kella, 2003. – 76 с.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии: Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 138–153.
- Фролов Я.В.** К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 210–220.
- Хазанов А.М.** Генезис сарматских зеркал // СА. – 1963. – № 4. – С. 58–71.
- Чемякин Ю.П.** Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Западной Сибири // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. – С. 264–265.
- Чемякин Ю.П.** Святилище кулайской культуры на Барсовой горе // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – С. 155–159.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953а. – Вып. 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 121–178.
- Чернецов В.Н.** Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – 1953б. – Вып. 35: Древняя история Нижнего Приобья. – С. 221–241.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 254 с.
- Шмидт А.В.** К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сб. МАЭ. – 1927. – Вып. 6. – С. 125–164.
- Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 203 с.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР.** – М.: Наука, 1987. – 471 с.
- Яценко С.А.** Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этнокультурные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2000. – С. 99–115.
- Ghirshman R.** The Art of Ancient Iran. – N.Y.: Golden Press, 1964. – 440 p.

Материал поступил в редколлегию 16.02.05 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

И.Н. Швец

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК
пр. Достык, 44, Алматы, 050100, Республика Казахстан
E-mail: schwezi@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Введение

Изучение наскальных изображений является важным составным элементом в реконструкции и описании образа жизни, верований, мифологических и эстетических воззрений древних людей. Для истории культуры народов Центральной Азии, где огромный период истории был бесписьменный, этот источник, наряду с другими, поистине бесценный.

Петроглифика получила интенсивное развитие в бывших советских республиках в послевоенные годы, когда местонахождения наскальных рисунков вместе с другими памятниками включались в реестр археологических объектов. Именно в этот период петроглифы, привлекая внимание еще дореволюционных исследователей, становятся темой специальных изысканий. Начиная с 70-х гг. прошлого столетия создаются специализированные отряды и экспедиции, изучающие многочисленные скопления наскальных рисунков. Полученная в результате этих работ информация подтвердила наличие богатейшей провинции изобразительного искусства в Центральной Азии, где представлены разновременные пласты художественного творчества прошлого. В западной литературе данный факт до сих пор не получил должного отражения. Так, на карте памятников первобытного искусства “первостепенной значимости” Центрально-Азиатский регион представлен только двумя пунктами [Anati, 1991, S. 16; 1997, S. 36–37, 56–57]. Сложившаяся ситуация явилась следствием исторических и языковых проблем, существовавших на протяжении ряда десятилетий между западными и советскими археологическими школами [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 54].

В изучении изобразительной деятельности актуальнейшими были и остаются вопросы хронологии и интерпретации сюжетов, документирования местонахождений петроглифов. Обращение к ним составляет значительную часть историографии темы [Шер, 1980; Самашев, 1992; Lorblanchet, 1997; Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004; Молодин, 2004]. Ряд аспектов изучения изобразительного творчества Центральной Азии был рассмотрен в статье А.-П. Франкфора и Э. Якобсона [2004, с. 53–79]. Некоторые выводы авторов вызывают неоднозначную реакцию и желание вступить в полемику.

Проблема документирования памятников наскального искусства

Петроглифы как никакой другой археологический объект подвержены антропогенному и природному разрушению. В связи с этим возрастает необходимость комплексного, не основанного на личных научных интересах изучения и публикации образцов древнего искусства, которые могут быть уже недоступными для последующих поколений.

Формы и структура документации местонахождений петроглифов были разработаны рядом авторов [Шер, 1980; Франкфор, Якобсон, 2004; Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004]. Предложенные методы находят еще в стадии апробирования и не приняты в научном мире как стандартная система. Анализ исследовательской литературы подтверждает, что уже начиная с презентации памятника наблюдается несоответствие используемых терминов. Так, английский термин “site” – “местонахождение” [Франкфор, Якоб-